

числу включенных в них начертаний и числу и качеству разводов можно судить о времени написания фитника.

Для получения необходимых разъяснений певцы не всегда имели возможность обратиться к помощи фитника. Отсюда возникла необходимость, как уже было сказано, разъяснения недоумений, так сказать, „на месте“ — непосредственно в самой певческой рукописи. Как следствие этого, появились разводы среди рядового певческого текста. Это — явление XVII в. Но и оно не было постоянным и своеобразно эволюционировало. Первоначально соблюдалась бóльшая „корректность“: сперва приводилось само сложное начертание фиты, затем ставилось сокращенное (редко полностью) слово „розвѣд“ (Ро³:), а уж затем следовала строка дробного знамени, собственно развод. Позднее „корректность“ была оставлена, и разводы стали помещаться прямо в тексте, без обозначения соответствующих им начертаний и без сокращенного обозначения начала развода.

Каждому из описанных явлений свойственно свое время: первому — почти весь XVII в., второму — конец XVII в. и весь XVIII в.

С внешней стороны наличие или отсутствие фитных начертаний, обозначений развода и самих разводов очень заметно и легко определимо „на-глаз“, что существенно при беглом осмотре и первоначальной классификации певческих рукописей.

Еще одна подробность: имеет значение расположение материала в певческих азбуках. В этом отношении каждый век имеет свое „лицо“: XVI в. — самое краткое перечисление материала, без объяснений, XVII в. — изложение более подробное, с объяснениями и разводами. Во второй половине века — обогащение азбук кокѣзниками — сборниками попевок. XVIII в. и позже — в основном то же содержание, но еще более детализированное. Зато в фитниках весьма показательное явление: разделение их на два самостоятельных отдела, из коих первый посвящен лицам, второй — фитам, вместо свойственного XVII в. расположения материала без разделения на лица и фиты, по гласам или празднакам. Кроме того, азбуки конца XVIII и начала XIX вв. обогащаются краткими отделами методического порядка, содержащими „проўки“.

Мы умышленно остановились так подробно на теоретических руководствах по знаменному пению, в целях показа того, что их присутствие и содержание может в значительной мере ориентировать палеографа и существенно помочь ему, не заставляя прибегать к анализу их чистомузыкального содержания, что уже выходит за пределы понятия палеографии в узком значении этого слова.

Зачастую приходится слышать возражение, что от палеографа нельзя требовать того, чтобы он одновременно был и музыковедом. На первый взгляд это возражение может показаться справедливым, но в действительности оно неосновательно, ибо певческие рукописи и нотации певческих рукописей являются предметом палеографии до тех пор, пока они рассматриваются с одной внешней стороны, без проникновения